

ПІВНІЧНЕ ПРИЧОРНОМОР'Я, КАРПАТИ ТА БАЛКАНИ В ЕПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕННЯ НАРОДІВ

УДК 904(292.485)«00/04»

ЮЖНЫЕ ВЛИЯНИЯ В ГОРИЗОНТЕ БОРОМЛЯ

М. В. Любичев

Любичев М. В. Південні впливи у горизонті Боромля. Горизонт Боромля є хронологічно-культурним горизонтом, групою поселень у лісостепу між Дніпром та Сіверським Дінцем ступенів С1b-С2. У лісостепу Східної Європи присутні близькі культурні групи: Дем'янів-Черепин на Верхньому Дністрі та Седелки-Каширка на Верхньому Дону. У горизонті Боромля є деякі форми південних впливів: 1) заглиблені будівлі «типу Букреевка»; 2) лучкові фібули з підв'язним приймачем А.157; 3) деякі форми ліпної кераміки; 4) боспорські монети. Поширення цих речей у регіоні між Дніпром та Сіверським Дінцем, на Верхньому Дону імовірно свідчить про рух певних груп населення з півночі у часи «готських війн».

Ключові слова: пізньоримський час; горизонт Боромля; лісостеп Східної Європи; фібули А.157; боспорські монети.

Любичев М. В. Южные влияния в горизонте Боромля. Горизонт Боромля является хронологическо-культурным горизонтом, группой поселений в лесостепи между Днепром и Северским Донцом ступеней С1b-С2. В лесостепи Восточной Европы находятся родственные культурные группы: Демьянов-Черепин на Верхнем Днестре и Седелки-Каширка на Верхнем Дону. В горизонте Боромля прослеживаются некоторые формы южных влияний: 1) углубленные постройки «типа Букреевка»; 2) лучковые фибулы с подвязным приемником А.157; 3) некоторые формы лепной керамики; 4) боспорские монеты. Распространение этих вещей в регионе между Днепром и Северским Донцом и на Верхнем Дону, вероятно, свидетельствует о движении с юга определенных групп населения в период «готских войн».

Ключевые слова: позднеимское время; горизонт Боромля; лесостепь Восточной Европы; фибулы А.157; боспорские монеты.

Lyubichev M. Southern Influences in the Horizon Boromlya. Horizon Boromlya is chronological and cultural horizon, the group of the settlements in the forested steppe between Dnieper and Severskiy Donets of the stages С1b-С2. There are related cultural groups in the forested steppe of the Eastern Europe: Demyanov-Cherepin on the upper Dniester and Sedelky-Kashirka on the upper Don. There are some forms of the southern influences in the horizon Boromlya: 1) pit-dwelling of the “Typ Bukreevka”; 2) bow-fibulae with closed catch-plate А. 157; 3) some forms of the hand-made pottery; 4) bosporian coins. The distribution of these items in the region between Dnieper and Severskiy Donets and on the upper Don evidence probably about the movement some groups of the population from south in the time of the “Gotic wars”.

Keywords: Late Roman Period; horizon Boromlya; forested steppe of the Eastern Europe; fibulae А.157; bosporian coins.

Возникновение культуры Черняхов/Сынтана-де-Муреш является «вечной проблемой» археологии Барбарикума римского времени. В ее решении большое место занимает изучение культурных процессов на территории восточноевропейской лесостепи от Верхнего Днестра до Верхнего Дона середины III – первой четверти IV в., времени от исчезновения постзарубинецкого горизонта («горизонта эмалей») до появления горизонта «классической» черняховской культуры, что соответствует приблизительно концу ступени С1b, ступени С2 в системе хронологии римского времени Центральной и Восточной Европы.

Очагом формирования черняховской культуры М. Б. Шукин считает ареал расположения биритуальных могильников на Днепровском Правобережье, содержащих погребения ступени С1b. На ступени С2 черняховская культура представлена уже не только погребениями этих могильников, но и серией поселений на Левобережье¹ (Рис. 1). Объединяющим элементом данных памятников являются двучленные фибулы с высоким держателем иглы группы VII О. Альмгрена, что дает основание говорить об особом хронологическом гори-

зонте этих фибул – горизонте Боромля². Признаками горизонта, помимо указанных фибул, являются также поселения, содержащие не столько лепную керамику вельбаркско-го и пшеворского облика, сколько керамику, напоминающую лепную посуду памятников группы Демьянов-Черепин³.

Исследователь полагает, что горизонт Боромля является археологическим отражением движения на восток под натиском вельбарцев дыгынничской волны и пшеворского населения из Верхнего и Среднего Поднепровья вплоть до Верхнего Дона⁴. Но являются ли археологические группы, выделенные на этой территории, с близкими чертами в топографии поселений, деталями углубленных сооружений, наборе основных форм лепных сосудов, с присутствием фибул А.VII, светлоглиняных амфор Шелов D одним горизонтом? Речь идет о памятниках типа Демьянов-Черпин в Верхнем Поднепровье, памятниках в зоне днепро-донецкой лесостепи, где находится эпонимное поселение горизонта, и памятниках группы Седелки-Каширка на Верхнем Дону (Рис. 1). Приведенный выше тезис М. Б. Щукина заставляет предположить, что исследователь к одному горизонту относил все эти группы. К подобному выводу пришел и М. В. Любичев, который причислил упомянутые группы и киевскую культуру (с которой отождествляются лишь киевские памятники Среднего Поднепровья и Подесенья) к «Праславянской» культурной провинции ступеней С1b–С2. Здесь он явно находится под воздействием идей Густава Коссинны и Мартина Яна⁵.

М. В. Любичев закрепляет понятие «горизонт Боромля» лишь за областью днепро-донецкой лесостепи, определяя его как «группу поселений, существовавших ... [здесь] ... на ступенях С1b–С2 и появившихся вследствие миграции части носителей памятников типа Демьянов-Черепин из Верхнего Поднепровья, включающих в себя некоторые элементы черняховской культуры, но не являющихся черняховской культурой»⁶. Такое неприятие горизонта как ранней фазы черняховской культуры вызвано разительно отличающейся морфологией обоих культурных образований: биритуальные могильники, поселения с наземными каркасно-глинобитными и углубленными сооружениями, господство гончарной керамики в черняховской культуре и поселения только лишь с углубленными сооружениями, господство лепной керамики в горизонте Боромля. Но часто черняховские поселения, находящиеся на склонах балок, перекрывают поселения этого горизонта, и сейчас возможно говорить о двух хронологико-культурных горизонтах позднеримского времени в днепро-донецкой лесостепи: горизонте Боромля и горизонте «классической» черняховской культуры^{*}.

Итак, появление памятников горизонта Боромля в днепро-донецкой лесостепи объясняется миграцией населения с запада. М. В. Любичев не выступает здесь перво-

* А. М. Обломский предлагает во многом отличный вариант культурной истории днепро-донецкой лесостепи в позднеримское время. Несколько памятников постзарубинецкого горизонта («горизонта эмалей») сведены в группу Шишино5-Шмырево и отнесены к начальной фазе киевской культуры. С этой группой на основе близкого черт в керамическом комплексе и домостроительстве генетически связываются поселения с хроноиндикаторами ступеней С1b–С2 (тип Букреевка2-Тазово), которые относятся к поздней фазе сейминско-донецкого варианта киевской культуры⁷. Следовательно, исследователь отрицает наличие горизонта Боромля и признает памятники киевской культуры в условиях черняховских влияний. В качестве раннего черняховского памятника, «базы черняховской колонизации», рассматривается поселение Головино 1 («черняховский период») ввиду очень высокого процента черняховской гончарной керамики развитых форм. Но из заполнения некоторых объектов и слоя происходят хроноиндикаторы ступеней С1b–С2; в нижних слоях углубленных построек найдены фрагменты груболепных сосудов, которые ничем не отличаются от «позднекиевских бассейна Северского Донца»⁸. Это поселение является одним из позднеримских памятников региона, где селище горизонта Боромля перекрыто селищем горизонта «классической» черняховской культуры. Столь различное представление о культурной истории региона данного периода вызвано применением исследователями различных методов: «керамического» (связанного с построением «структур керамических комплексов» на основе учета фрагментированной керамики и выделением культурных групп из родственных керамических «структур») (А. М. Обломский) и метода хронологико-культурных горизонтов (М. Б. Щукин, М. В. Любичев)⁹.

открывателем¹⁰. Еще в 1990 г. один из исследователей эпонимного поселения А. Н. Некрасова пришла к выводу, что во второй половине III – на рубеже IV в. элементы черняховской культуры (конические миски, фибулы с высоким приемником группы VII О. Альмгрена, конические прясла с воронковидным основанием, гончарная керамика) появляются в среде местных киевских племен (носители памятников типа Родной Край 3, Боромля 2 (нижний горизонт), Букреевка 2). Под «элементами черняховской культуры» подразумевается движение группы славянского населения из Поднестровья, которое смешивается с киевскими племенами и приносит традиции черняховской культуры. На рубеже III–IV вв. в регионе существует уже классическая черняховская культура. С появлением классических черняховских древностей связывается вторая волна (этап) заселения Левобережья черняховскими племенами, выразившаяся в массовой колонизации¹¹. Тезис о миграции населения поддержал В. Д. Баран¹².

А. М. Обломский говорит о ряде новых черт (инновациях) во всех основных сферах археологического комплекса на памятниках типа Букреевка-Тазово (горизонте Боромля в нашем понимании): 1) сферо-конические и конические миски-плошки; 2) горшки яйцевидной формы с загнутым внутрь краем; 3) использование глины для обмазки стен полуземлянок; 4) «печи-камины» в углубленных сооружениях; 5) массивные биконические прясла с вогнутым основанием; 6) глиняные грузила ткацкого станка; 7) замена «выемчатых эмалей» украшениями «фасеточного стиля»; 8) гончарная посуда¹³. И хотя исследователь отрицает миграцию населения из Верхнего Поднепровья, но появление комплекса таких инноваций более всего можно связывать именно с миграцией населения с запада. Р. В. Терпиловский отрицает такую миграцию, но признает постоянные микромиграции по линии запад–восток небольших групп населения, что отражается в наличии «построек типа Букреевка», фибул А.VII в обоих регионах¹⁴. Следовательно, независимо от признания или непризнания миграции населения из области Верхнего Поднестровья в область днепро-донецкой лесостепи в позднеримское время, все исследователи не отрицают переноса в направлении запад–восток отдельных культурных элементов. Но имели ли место культурные импульсы с юга в область горизонта Боромля и родственных культурных групп восточноевропейской лесостепи? Собственно, именно этому вопросу и посвящена настоящая публикация*.

Исследователи уже писали о распространении культурных элементов из степной зоны Восточной Европы на север, в область лесостепи в позднеримское время. Так, Э. А. Сымонович полагает, что большинство полуземлянок из селища Бургунка имеют аналогии в более северных областях распространения черняховской культуры. Аналогии юртообразной постройке с этого памятника (яма 44) он находит в Посеймье¹⁵.

Аналогии лепным сосудам с рельефной орнаментацией (зигзаговидный валик, подковыки) с пальцевыми вдавлениями, горшкам с шарообразным туловом на поселениях Седелки и Каширка 2 на Верхнем Дону находятся А. М. Обломским на позднескифских памятниках Нижнего Поднепровья, в древностях хоры Ольвии, на черняховских поселениях типа Каменка-Анчекрак¹⁶. Б. В. Магомедов считает, что после распространения в Причерноморье черняховской культуры около рубежа III–IV вв. часть поздних скифов переселяется на территорию современной Центральной Украины, в меньшем количестве – в Восточную Украину и Молдову, что проявляется в распространении западной ориентации погребенных и ям с заплечиками¹⁷. В публикации фибул Альмгрена 157, найденных на поверхности памятников в области днепро-донецкого водораздела, ее авторы в качестве причин их распространения в регионе видят: 1) инфильтрацию сарматского элемента в местную «раннечерняховскую полиэтническую общность»; 2) контакты «ранних черняховцев Левобережья» с горизонтом круга Рогожкино на Нижнем Дону¹⁸.

* Идея статьи возникла под влиянием замечания, высказанного в отзыве на автореферат моей докторской диссертаций, защищенной в марте 2014 г., Вадимом Георгиевичем Белевцом, ныне – доктором, научным адъюнктом Института археологии Варшавского университета. Пользуясь случаем, выражаю В. Г. Белевцу искреннюю благодарность.

Причинами появления боспорских монет в области днепро-донецкой лесостепи Г. В. Бейдин и К. В. Мызгин считают: 1) торговлю местных варваров с Боспором; 2) военную деятельность варваров и разграбление ими в середине III в. Боспора. Исследователи увидели синхронность и бесспорную связь большинства боспорских монет в регионе с памятниками горизонта Боромля¹⁹. Появление в регионе монет Фарсанза Г. В. Бейдин объясняет оседанием здесь готских племен после отхода с Боспора²⁰. Рассмотрим комплекс инноваций в ареале горизонта Боромля и родственных ему культурных групп, исходящих с юга.

Углубленные сооружения поселения Бургунка и их аналоги в лесостепи Восточной Европы. Поселение Бургунка (р. Бургунка–Казак–Днепр) (Бериславский р-н, Херсонская обл., Украина) находится в степной полосе Восточной Европы (Рис. 1). Памятник, расположенный на возвышенности левого берега реки возле ее поймы, исследовался Э. А. Сымоновичем в 1973–1974 гг.²¹. На селище открыты остатки 6 углубленных (постройки 1, 2, 3, 4, 5, 7) одного наземного каменного (постройка 6) сооружений, 45 ям. Овальная в плане постройка 1 имеет выступающий за ее периметр вход, уступ-лежанку вдоль двух стен, очаг-углубление в центральной части (Рис. 2:1). Постройка 2 состоит из двух помещений: а) большее помещение, прямоугольное, в плане имеет столбовые ямы и вход – ступеньку на углу; б) в меньшем помещении расположены очажная яма и уступ-лежанка (Рис. 2:7). Постройку 3 (Рис. 2:3) автор раскопок определяет как «двухчастную полужемлянку»²², но при ознакомлении с ее рисунком, сравнении с постройкой 2, а также с двухчастными помещениями с поселений лесостепной зоны позднееримского времени (Рис. 4:2) становится понятным, что речь может идти об одном помещении, имеющем неправильную прямоугольно-овальную форму с одной углубленной частью, где находится яма-погреб. Постройка 4 является округлой в плане, со входом-ступенькой, уступом по периметру, вынесенной за основной контур печью, столбовыми ямками за периметром сооружения (Рис. 2:7). Постройка 5 отличается вытянуто-овальной формой, наличием ямы со следами очага в полу, входа в виде ступеньки (Рис. 2:6). Постройка 7 отличается формой неправильного овала и наличием входа в виде выступа. Э. А. Сымонович считает ее еще одной «двухчастной полужемлянкой», но речь идет об одном помещении с углубленной частью (Рис. 2:4). К углубленным сооружениям относится плоскодонная яма 44, имевшая диаметр более 3 м и углубление в средней части (очаг?) (Рис. 2:5). Автор раскопок считает яму углублением от юртообразной постройки²³.

Несмотря на отличия, углубленные сооружения Бургунки объединяют такие общие черты, как: 1) овальная, неправильно-овальная форма в плане; 2) наличие выступов; 3) уступы («полки-лежанки») по периметру или его части; 4) углубления в полу; 5) наличие двух помещений в некоторых сооружениях. Поиски аналогий ведут нас к культурным группам восточноевропейской лесостепи ступеней С1б, С2 (Рис. 1). Даже визуальное сравнение свидетельствует в пользу близости сооружений Бургунки с некоторыми углубленными сооружениями горизонта Боромля (Рис. 3–5), групп Демьянов-Черепин (Рис. 6) и Седелки-Каширка (Рис. 7). Аналогии имеются и на поселении Журавка-Ольшанская в Среднем Поднепровье²⁴.

Среди углубленных сооружений горизонта Боромля нами были выделены три типа. К типу II принадлежат прямоугольные в плане углубленные постройки. К типу III – квадратные в плане углубленные сооружения²⁵. Тип I как раз и образуют интересные нас в плане сравнения сооружения, которые характеризуются округлыми или овальными в плане котлованами со сложным устройством дна: либо они имеют лишь материковый выступ – «полку», либо – многочисленные полки, углубления, ниши (Рис. 3:1, 4, 7). В контур котлована бывают вписаны ямы (Рис. 3:2, 3). Только меньшая часть построек отличается ровным полом без ям и значительных углублений (Рис. 3:5). Большинство построек имеют столбовые ямы в двух основных комбинациях: либо отдельные ямки по периметру (Рис. 3:3, 6), либо ямку от центрального столба и отдельные ямки по периметру (Рис. 3:1, 3). Некоторые постройки лишены столбовых ям (Рис. 3:2, 5, 7). В качестве отопительных сооружений в постройках использованы: простой очаг, оставивший пятно прокала (Рис. 3:1, 6), печь-«камин» (Рис. 3:4). В некоторых сооружениях следов отопительных устройств не обнаружено. К варианту этого типа построек (тип IA) относятся сооружения, имеющие котлованы неправильной овальной формы с выступами и двухкамерные сооружения (Рис. 4).

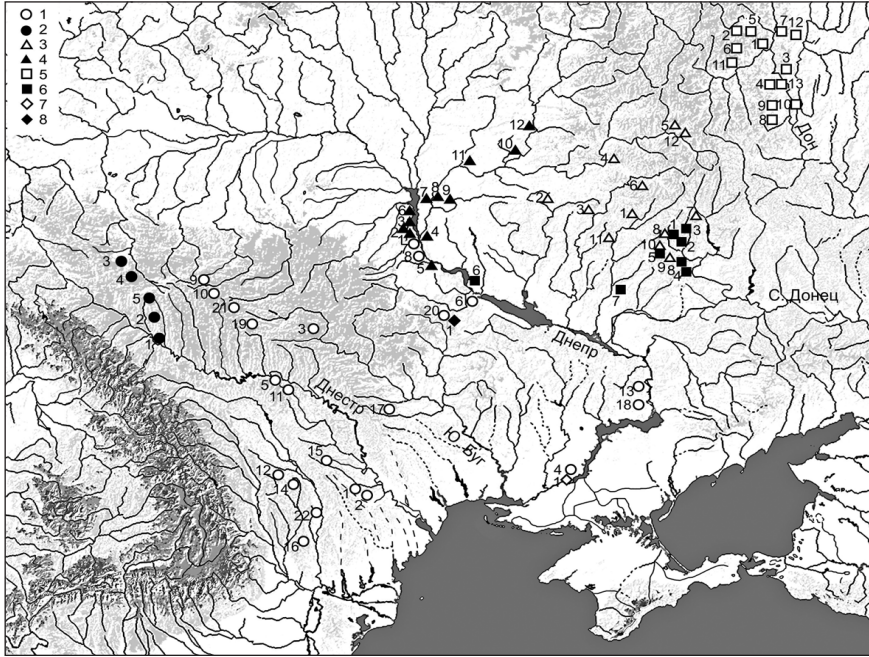

Рис. 1. Элементы культурной ситуации в лесостепной зоне Восточной Европы и в Северном Причерноморье на ступенях С1b, С2 (около 270–330 гг.) (карта)

Условные обозначения:

- 1 – Погребения ступеней С1b, С2 на могильниках черняховской культуры: 1 – Данчены, 2 – Ханска-Лутэрия, 3 – Косаново, 4 – Гавриловка, 5 – Оселивка, 6 – Завадовка, 7 – Черняхов, 8 – Ромашки, 9 – Раковец, 10 – Токи, 11 – Романковцы, 12 – Тодирень, 13 – Ново-Александровка, 14 – Козья-Ясы, 15 – Будешты, 16 – Тыргшор, 17 – Кринички, 18 – Привольное, 19 – Ружичанка, 20 – Журавка-Ольшанская, 21 – Чернелив-Русский, 22 – Бырладь Валя Сяке;
- 2 – Поселения в Верхнем Поднепровье (группа Демьянов-Черепин) с хроноиндикаторами ступеней С1b, С2: 1 – Куропатники; 2 – Бовшев 2; 3 – Рипнев 2; 4 – Черепин, 5 – Демьянов 2;
- 3 – Изучавшиеся раскопками поселения горизонта Боромля в днепро-донецкой лесостепи: 1 – Боромля 2 (нижний горизонт), 2 – Беседовка (нижний горизонт), 3 – Песчаное (нижний горизонт), 4 – 10-й Октябрь, 5 – Букревка 2, 6 – Гочево 1, Гочево 2 (постр. 1, 2), Гочево 3 (нижний горизонт), Гочево 4 (нижний горизонт), 7 – Головино 1 (нижний горизонт), 8 – Родной Край 3, 9 – Огульцы (нижний горизонт), 10 – Войтенки 1 (нижний горизонт участка «А»), 11 – Мамрои 2 (нижний горизонт), 12 – Тазово;
- 4 – Поселения киевской культуры Среднего Поднепровья и Подесенья, существовавшие на ступенях С1b, С 2: 1 – Новые Безрадици, 2 – Хлепча, 3 – Глеваха, 4 – Бортнички, 5 – Обухов 3, 6 – Белгородка, 7 – Деснянка, 8 – Мена, 9 – Киреевка 2, 10 – Лавриков Лес, 11 – Верхнестриженское, 12 – Форостовичи;
- 5 – Изучавшиеся раскопками и известные по разведкам поселения группы Седелки-Каширка на Верхнем Дону: 1 – Яблонуво 1, 2 – Сухинино, 3 – Уткино 1, 4 – Седелки, 5 – Каширка 1, 2; 6 – Писарево, 7 – у Хмелевского пруда 1, 8 – Верхнее Турово, 9 – Трещевка, 10 – Мечковская Балка 2, 3; 11 – Александровка, 12 – Волотовские озера 2, 3; 13 – Ксизово 19;
- 6 – Находки двучленных лучковых подвязных фибул Альмгрен 157 (Амброз 15, 3, 1) на памятниках днепро-донецкой лесостепи: 1 – Родной Край 1 (Обломский А. М. Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время. М., 2002. Рис. 49:1), 2 – Саржин Яр (Харьков), 3 – Черкасская Лозовая, 4 – Пасеки (Бакуменко К. И., Бейдин Г. В., Григорьянц М. Н., Дидык В. В. Фибулы римского времени верховьев Ворсклы и Северского Донца // Древности римского времени на Слобожанщине. Харьков, 2006. Рис. II:2–4), 5 – Войтенки 1, поселение, участок «А», сооружение 1/2 (Любичев М. В. Об этнокультурных процессах позднеримского времени в зоне днепро-донецкой лесостепи (в свете исследований археологического комплекса Войтенки) // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула, 2008. Рис. 16:4), 6 – Липлява (Кропотов В. В. Фибулы сарматской эпохи. К., 2010. С. 154), 7 – Ковалевка (Сангин С. В. Фибула сарматской доби з Ковалівки // АЛЛУ. 1998. Ч. 1–2. Рис. 1); 8 – Островерховка.
- 7 – Поселение Бургунка;
- 8 – Поселение Журавка Ольшанская

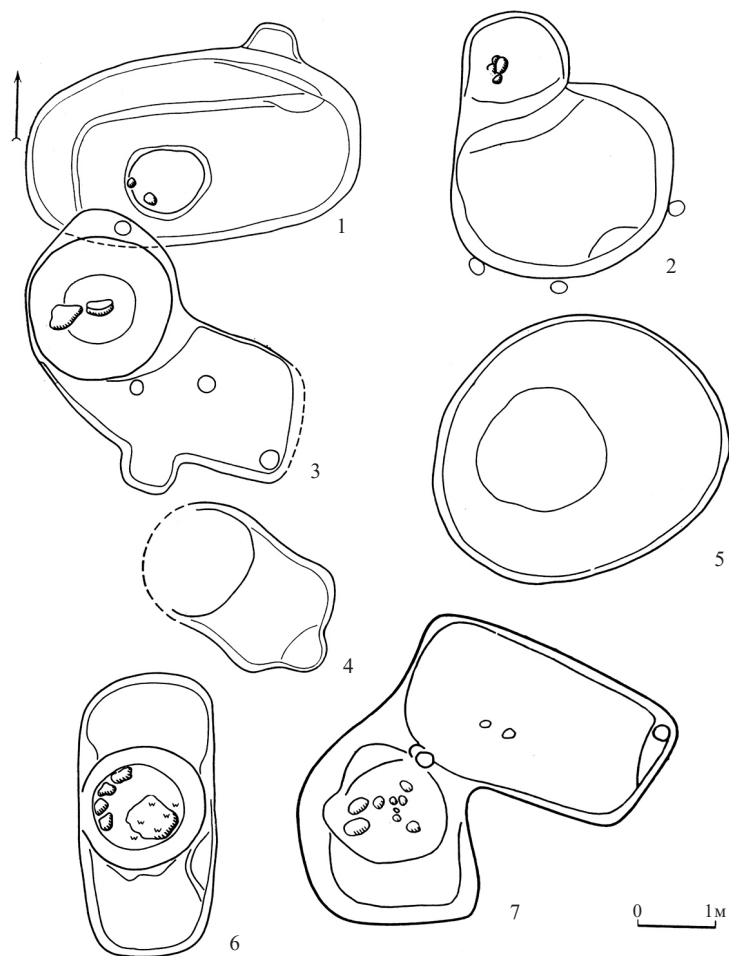

Рис. 2. Углубленные сооружения поселения Бургунка: 1 – постройка 1, 2 – постройка 4, 3 – постройка 3, 4 – постройка 7, 5 – яма 44, 6 – постройка 5, 7 – постройка 2 (Сымонович Э. А. Черняховское поселение Бургунка на Нижнем Днепре // Краткие сообщения института археологии АН СССР. 1980. № 162. Рис. 1, 2)

Постройки типа I горизонта Боромля присутствуют в группах Демьянов-Черепин в Верхнем Поднепровье (Рис. 6) и Седелки-Каширка на Верхнем Дону (Рис. 7). Именно им Р. В. Терпиловским было присвоено наименование «постройки типа Букреевка»²⁶. Здесь речь шла о подобии углубленных сооружений Бургунки углубленным постройкам типа Букреевка в лесостепных культурных группах ступеней С1b, С2. Но сооружения Бургунки и постройки типа Букреевка близки к углубленным сооружениям двух памятников, относящихся к ступеням С3 и D1. Речь идет о поселениях Тазово и Каменево 2 в Посеймье²⁷ (Рис. 5)*.

* Время существования группы Каменево 2-Комаровка 2, к которой принадлежат поселения Тазово и Каменево 2, маркируют немногочисленные хроноиндикаторы конца IV – середины V в. или ступеней С3, С3/D1, D1, D2. Близость сооружений типа I (постройки «типа Букреевка») на памятниках горизонта Боромля и сооружений на поселениях Тазово, Каменево 2, близость основных форм керамического комплекса позволяет предположить, что эти поселения отражают существование носителей горизонта в пограничье с черняховским ареалом в условиях господства в днепровско-донецкой лесостепи носителей «классической» черняховской культуры.

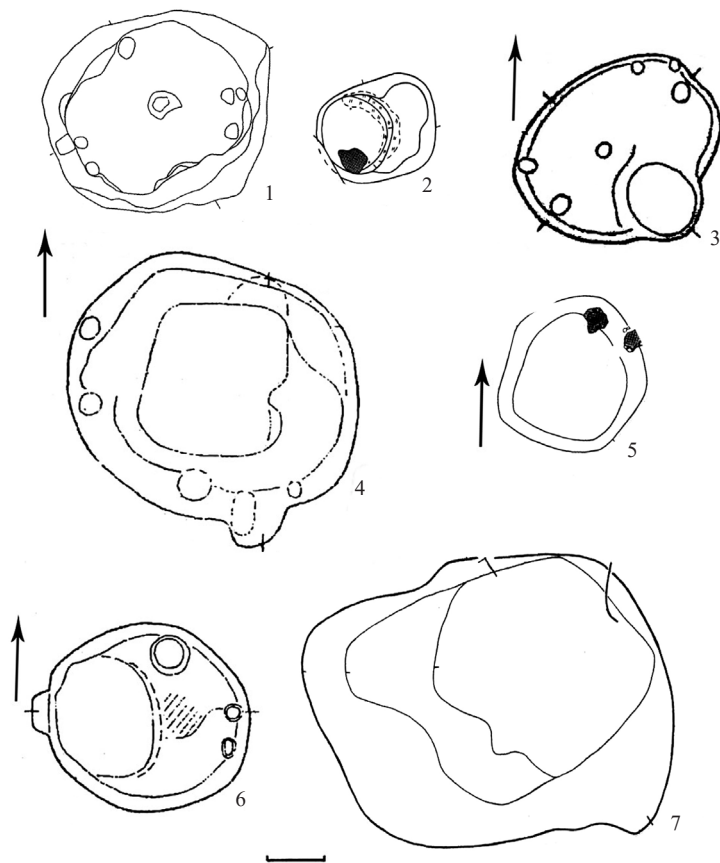

Рис. 3. Углубленные сооружения («постройки типа Букреевка») на поселениях позднеримского времени днепро-донецкой лесостепи: 1 – Войтенки 1, участок «А», сооружение 2/2, 2 – Боромля 2, сооружение 6, 3 – Букреевка 2, сооружение 2, сооружение 4, 4 – Букреевка 2, сооружение 1, 5 – Боромля 2, сооружение 10, 6 – Букреевка 2, сооружение 7, 7 – 10-й Октябрь, сооружение 3 (2, 5 – Некрасова А. Н. Памятники черняховской культуры Днепровского Левобережья // Готы и Рим. К., 2006. Рис. 27, 36; 3, 4, 6 – Сымонович Э. А. Букреевка 2 – селище второй четверти I тыс.н.э. возле Курска // Материалы и исследования по истории Днепровского Левобережья. Курск, 1990. Рис. 3, 4, 7; 7 – Обломский А. М. Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время. М., 2002. Рис. 42).

Если говорить о детальном сравнении объектов, то стоит заключить, что двухкамерная постройка 2 Бургунки (Рис. 2:7) имеет аналоги в постройке 2 Букреевки (Рис. 4:2), сооружении 2 Тазово (Рис. 5:2) – в постройках 1, 6, 11, 14 Журавки-Ольшанской²⁸. Постройка 3 Бургунки (Рис. 2:3) похожа на сооружение 3 Тазово (Рис. 5:3). Постройка 4 (Рис. 2:2) аналогична постройке 3 раскопа 2 Седелок (Рис. 7:3) и постройке 3 Каменево 2 (Рис. 5:7). Постройка 7 Бургунки (Рис. 2:4) близка к сооружению 1 Тазово (Рис. 5:1). Яма 44 (Рис. 2:5) подобна сооружению 4 Тазово (Рис. 5:4), сооружению 4 Каменево 2 (Рис. 5:5).

Керамические связи Нижнего Поднепровья и восточноевропейской лесостепи. На поселениях родственных культурных групп ступеней С1b, С2 среди набора главных форм лепных сосудов присутствуют конические миски («миски-плошки») на полой или сплошной ножке²⁹. Они имеются на селищах группы Демьянов-Черепин: Бовшев 2³⁰, Демьянов 2³¹, Куропатники³², Черепин³³. Миски присутствуют среди основных форм кера-

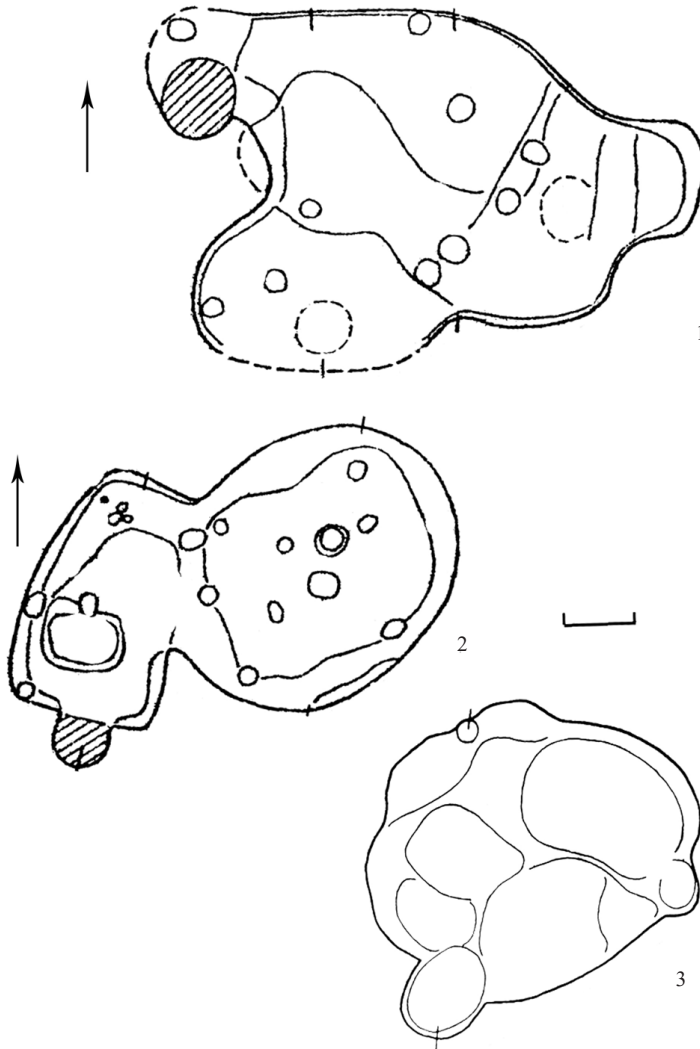

Рис. 4. Углубленные сооружения («постройки типа Букреевка») на поселениях поздне римского времени днепро-донецкой лесостепи: 1 – Букреевка 2, сооружение 5, 2 – Букреевка 2, сооружение 2, 3 – Гочево 2, сооружение 1 (1, 2 – *Сымонович Э. А.* Букреевка 2 – селище второй четверти I тыс. н. э. возле Курска // *Материалы и исследования по истории Днепровского Левобережья* (далее – МИАДЛ). Курск, 1990. Рис. 4, 6; 3 – *Тихомиров Н. А., Терпиловский Р. В.* Поселения Гочево 1 и 2 на р. Псел // МИАДЛ. Курск, 1990. Рис. 11)

мики горизонта Боромля³⁴. Они обнаружены на поселениях группы Седелки-Каширка: в Седелках³⁵, Ксизово 17³⁶, Ксизово 19А³⁷.

На хронологически предшествующих памятниках в области Нижнего Днепра (I–II вв.) конические сосуды на полых или массивных ножках, использовавшиеся как миски, крышки, лампы, известны, в частности, на городище³⁸ и могильнике³⁹ Золотая Балка. Но мы не склонны объяснять присутствие конических мисок на памятниках родственных групп в лесостепи исключительно влиянием с юга. Конические миски имеются среди керамики хронологически предшествующей липецкой культуры в Верхнем Поднестровье⁴⁰.

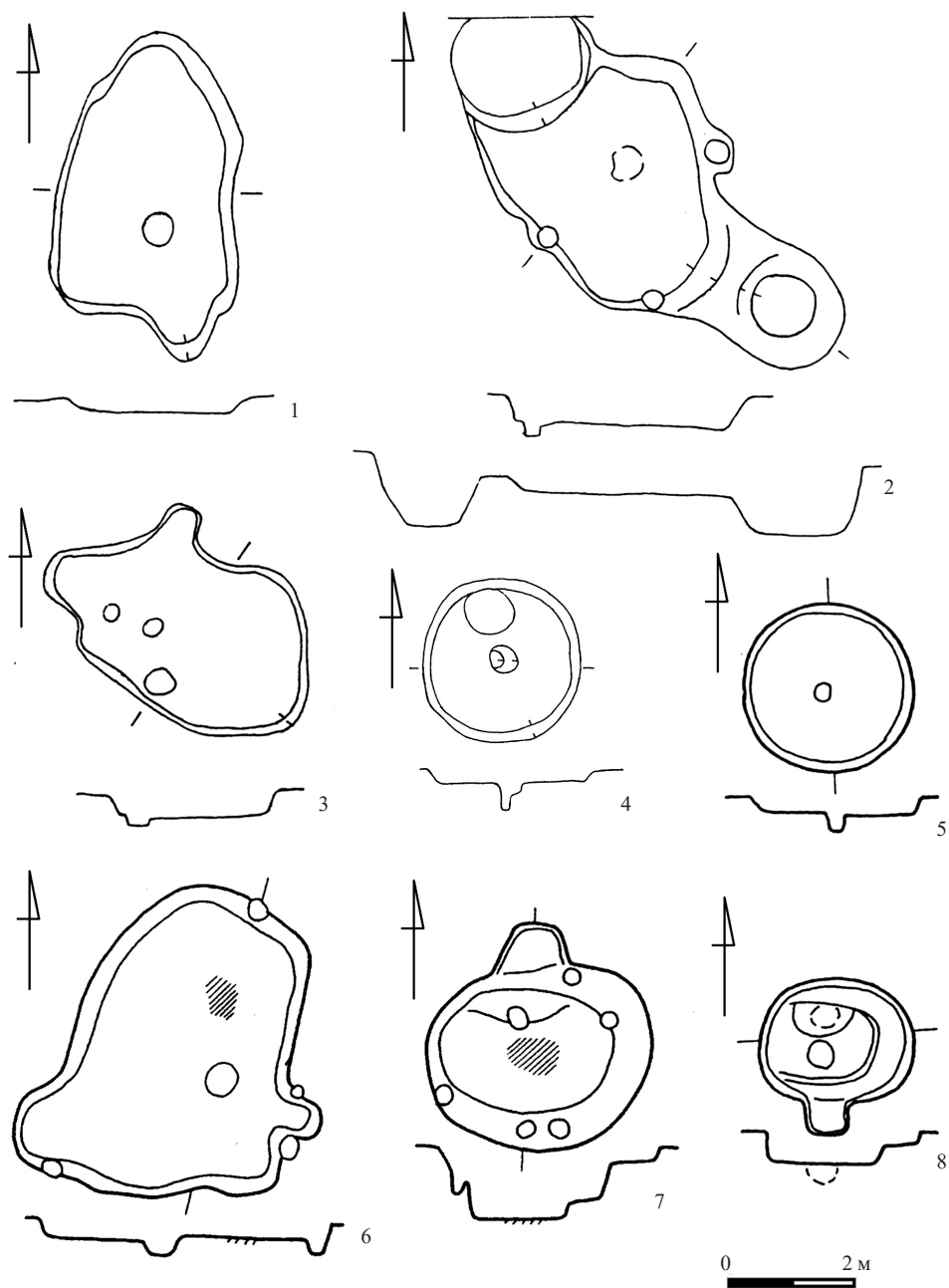

Рис. 5. Углубленные сооружения («постройки типа Букреевка») на поселениях позднеримского времени днепро-донецкой лесостепи Тазово и Каменево 2: 1 – Тазово, сооружение 1, 2 – Тазово, сооружение 2, 3 – Тазово, сооружение 3, 4 – Тазово, сооружение 4, 5 – Каменево 2, сооружение 4, 6 – Каменево 2, сооружение 1, 7 – Каменево 2, сооружение 3, 8 – Каменево 2, сооружение 5 (1–3 – Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н.э.) // Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. М., 2007. Вып. 10. Рис. 74; 4 – *Сымонович Э. А.* Раннесредневековое поселение Тазово под Курском // Советская археология. 1986. № 4. Рис. 3; 5–8 – *Сымонович Э. А.* Поселение Каменево-2 под Курском // *Stratum plus*. 2001–2002. № 4. Рис. 4–6)

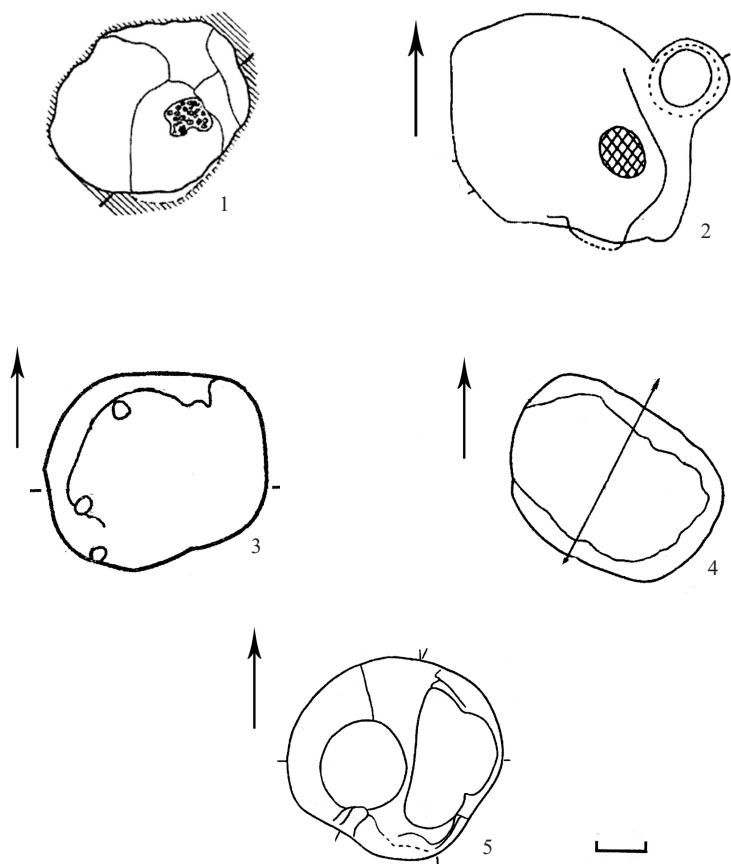

Рис. 6. Углубленные сооружения («постройки типа Букреевка») на поселениях группы Демьянов-Черепин: 1 – Рипнев 2, жилище 3, 2 – Куропатники, жилище 2, 3 – Демьянов 2, жил. 5, 4 – Бовшев 2, жил. 10, 5 – Куропатники, жил. 3 (1 – Баран В. Д. Памятники черняховской культуры бассейна Западного Буга (раскопки 1957–1960 гг.) // *Материалы и исследования по археологии СССР*. М., 1964. № 116. Рис. 8:2; 2 – Баран В. Д., Гонкало О. В. Черняхівські поселення басейну Гнилої Липи. К., 2005. Табл. 31, 17, 20, 33)

Здесь видится преемственность этой формы в керамике группы Демьянов-Черепин⁴¹. Конические миски известны среди керамики даков I в. до н. э. – II в. н. э. до римского завоевания; например, фрагменты таких мисок происходят из поселения Пятра Рошие⁴². Такие сосуды найдены на памятниках синхронной группе Демьянов-Черепин соседней культурной группы. Речь идет о культуре карпатских курганов, где они происходят, в частности, из поселения Глубокое (жилище 9, яма 2)⁴³.

В группе Седелки-Каширка, помимо конических мисок как элемента южного и западного влияния, известны также: 1) лепные округлобокие горшки с наибольшим расширением на середине высоты и луновидными налепами («псевдоушками») выше места наибольшего расширения (Седелки: раскоп 2, постройка 4, верхний горизонт Каширки 2) (Рис. 8:1, 3)⁴⁴; 2) корчаги грушевидной формы с массивным подтреугольным в сечении венчиком с пальцевыми вдавлениями (Рис. 8:5, 6); 3) горшки с шарообразным туловом (Рис. 8:2)⁴⁵. Сосуды с луновидными налепами в области Нижнего Днепра встречены, в частности, на городище Золотая Балка⁴⁶.

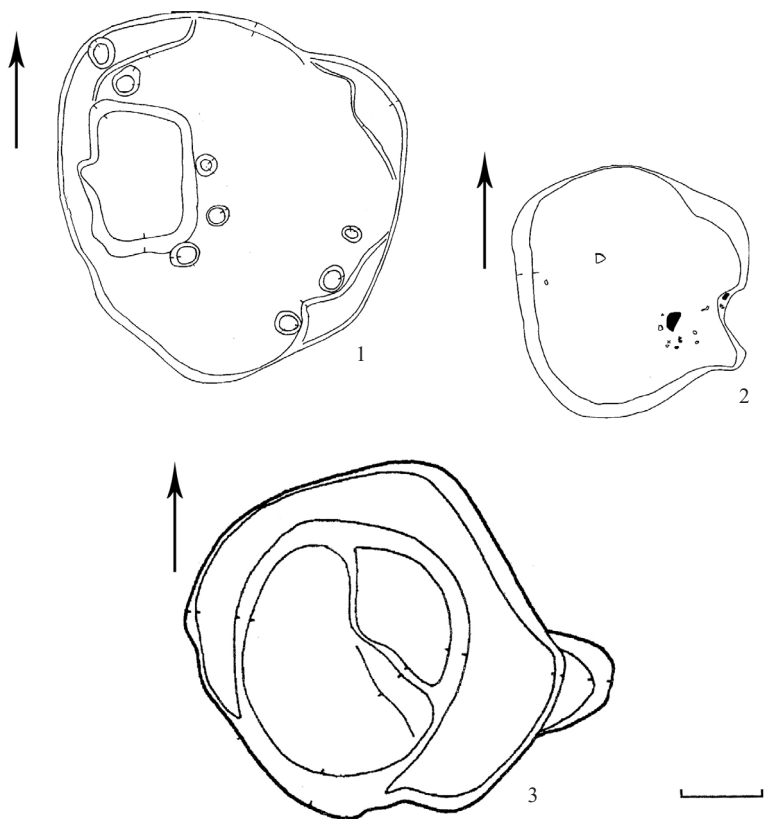

Рис. 7. Углубленные сооружения («постройки типа Букреевка») на поселениях группы Седелки-Каширка: 1 – Ксизово 17А, раск. 2, постройка 1, 2 – Ксизово 17А, раскоп 3, постройка 1, 3 – Седелки, раскоп 2, постройка 3 (1, 2 – *Обломский А. М.* Материалы позднеднеримского времени поселения Ксизово 17 Задонского р-на Липецкой обл. // *Vita Antiqua*. 2009. № 7–8. Рис. 3, 6; 3 – *Обломский А. М., Терпиловский Р. В.* Поселение Седелки и его место среди памятников позднеднеримского времени Днепровского Левобережья и лесостепного Подонья // Археологические памятники верхнего Подонья первой половины I тыс. н. э. Воронеж, 1998. Рис. 5)

Фибулы А.157 на памятниках позднеднеримского времени днепро-донецкой лесостепи. Подавляющее количество двучленных лучковых подвязных фибул с расширенной ножкой Альмгрен 157⁴⁷ или группы 15, серии III, варианта 1 А. К. Амброза⁴⁸ происходит из Северо-Западного Причерноморья, античных городов Северного Причерноморья, Валахии, степных сарматских могильников и ряда крымских могильников (Черная речка, совхоз Севастопольский, Нейзац, Дружное и т.д.), областей Нижнего Дона и Нижней Волги, Северного Кавказа⁴⁹.

Данные застёжки обладают следующими типологическими признаками: а) лучковая дужка (спинка) выполнена из массивного стержня (круглого или граненого в сечении); б) передний конец дужки загнут в широкое кольцо, в которое вставлена ось с намотанной на нее двусторонней пружиной с нижней тетивой; в) прямая или треугольно расширенная ножка отделена от спинки специальными плечиками, препятствующими сползанию завязки вниз⁵⁰. Ряд таких фибул обнаружен на поверхности памятников в ареале горизонта Боромля: Липлява⁵¹, Ковалевка⁵² (Рис. 1), Черкасская Лозовая (р. Лозовенька–Ло-

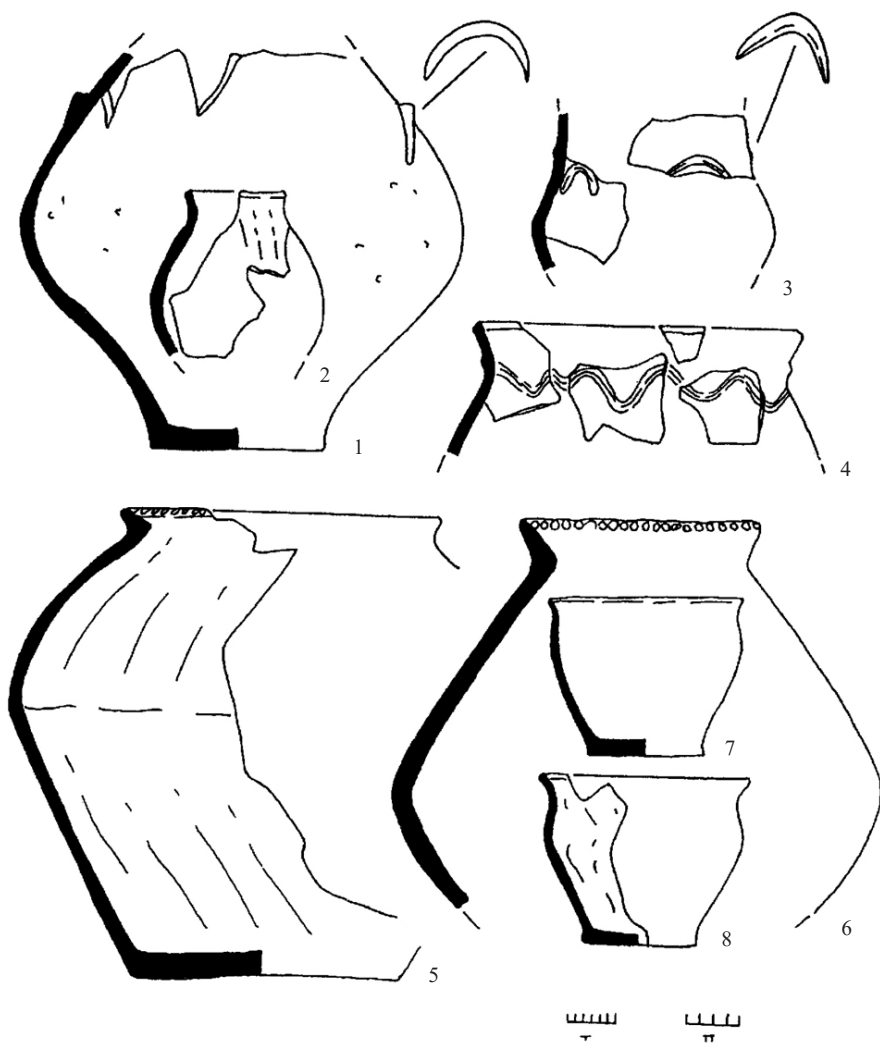

Рис. 8. Груболопная керамика «нижнеднепровско-позднескифского» набора на памятниках группы Седелки-Каширка (Обломский А. М. О памятниках лесостепного Подонья позднеримского времени // Верхнедонской археологический сборник. Липецк, 2001. Вып. 2. Рис. 4)

пань–Уды–Северский Донец–Дон) (Рис. 1; 9:1), Саржин Яр (территория современного Харькова) (р. Саржинка–Лопань) (Рис. 1; 9:2), Пасеки (приток – Гомильша–Северский Донец) (Рис.1; 9:3)⁵³, Родной Край 1 (Уды–Северский Донец)⁵⁴ (Рис. 1; 9:4), Любовка 2 (Мерла–Ворскла–Днепр)⁵⁵ (Рис.1; 9:5), Островерховка (приток Мжа–Северский Донец) (Рис. 1)*. На поверхности селища в Саржином Яру находятся фрагменты лепной облика постзарубинецкой, горизонта Боромля и гончарной керамики, римские серебряные денарии; в Пасеках на поверхности обнаружены фрагменты лепной облика горизонта Бором-

* Выражаю огромную благодарность директору Змиевского краеведческого музея М. И. Саянову, ознакомившего меня с этой находкой.

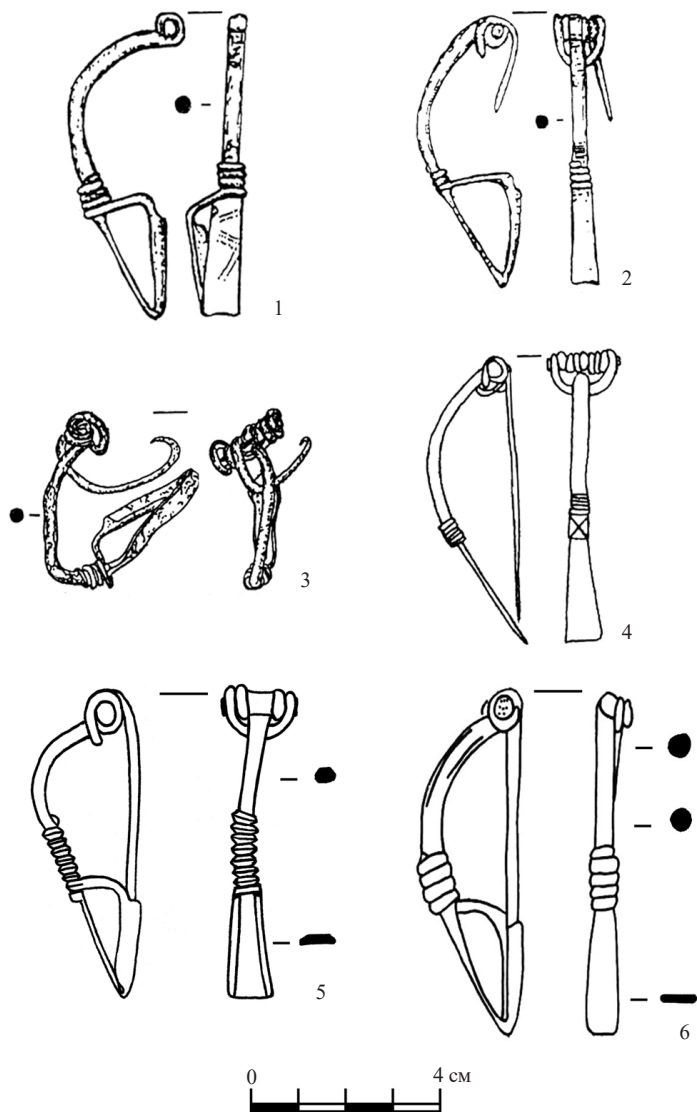

Рис. 9. Фибулы Альмгрен 157, происходящие с памятников поздне римского времени в области днепро-донецкого водораздела: 1 – Черкасская Лозовая, подъемный материал, 2 – Саржин Яр (территория Харькова), подъемный материал, 3 – Пасеки, подъемный материал, 4 – Родной Край 1, подъемный материал, 5 – Любовка, подъемный материал, 6 – Войтенки, участок А поселения, сооружение 2/2 (1–4 – Бакуменко К. И., Бейдин Г. В., Григорьянц М. Н., Дидык В. В. Фибулы римского времени верховьев Ворсклы и Северского Донца // Древности римского времени на Слобожанщине. Харьков, 2006. Рис. II:2–4, 4 – Обломский А. М. Днепровское лесостепное Левобережье в поздне римское и гуннское время. М., 2002, Рис. 49:1; 5 – Окатенко В. М., Голубев А. М., Голубева И. В., Филатов Д. О., Руснак В. В. Звіт про наукові археологічні експертизи і розвідки у Харківській області та м. Харкові у 2015 р. Харків, 2015 // НА ИА НАНУ. Рис. 3.12:1; 6 – Любичев М. В. Об этнокультурных процессах поздне римского времени в зоне днепро-донецкой лесостепи (в свете исследований археологического комплекса Войтенки) // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула, 2008. Рис. 16:4)

ля и гончарной черняховской керамики⁵⁶; в Родном Крае 1 на поверхности находились фрагменты лепной и гончарной керамики, а рядом, на соседней дюне, было изучено поселение горизонта Боромля – Родной Край 3, с характерными хроноиндикаторами – фибулами группы Альмгрен VII и фрагментами светлоглиняных амфор Шелов D⁵⁷. Любовка 2 является многослойным поселением доримского железного века и позднеримского времени, на поверхности которого были собраны фрагменты лепной и гончарной керамики, а также римские денарии⁵⁸. В Островежковке на поверхности собраны фрагменты лепной керамики горизонта Боромля и гончарной черняховской керамики⁵⁹. Ножки некоторых фибул украшены: на экземпляре из Черкасской Лозовой имеется орнамент в виде рядов пунктирных линий (Рис. 9:1), в верхней части ножки ниже подвязки на фибуле из Родного Края 1 выполнен косой крест (Рис. 9:4), на ножке экземпляра из Любовки 2 две фасетки нанесены параллельно боковым сторонам ножки (Рис. 9:5).

В пережженном заполнении сооружения 2/2 (Рис. 3:1) участка «А» поселения Войтенки 1 фибула А.157 (Рис. 8:6) находилась совместно с фрагментами лепных сосудов, стенок светлоглиняных узкогорлых амфор Шелов D, отдельными фрагментами гончарной керамики⁶⁰. Это сооружение было перекрыто сооружением 1/2 горизонта «классической» черняховской культуры с гончарной кухонной и столовой керамикой, глиняными пирамидальными грузилами ткацкого станка, железной подвязной фибулой, серебряной пластинчатой подвеской⁶¹.

В погребениях курганов 7 и 26 Градешки подобные фибулы сочетаются с амфорами Шелов D⁶². В могиле 35 могильника Черная Речка такие фибулы найдены с монетами середины III в. и набором вещей второй половины III в.⁶³. В могиле 45 этого же памятника такая фибула сочеталась с провинциально-римской Т-образной фибулой второй половины III в.⁶⁴. В могиле 19/44 1933 г. Тиритакки подобная фибула находилась с несколькими монетами, последняя из которых была чеканена в 262 г.⁶⁵. В гробнице 3 некрополя Пантикапея (раскопки Ю. А. Кулаковского 1894 г.) подобная фибула сочеталась с монетой 268 г.⁶⁶. Ряд таких фибул обнаружен на могильнике Дружное: в могиле 9 (ограбленный склеп)⁶⁷, могиле 20 (подбойное захоронение): две фибулы – бронзовая (погребение В)⁶⁸ и серебряная 9 (погребение С)⁶⁹. К погребению относится монета 253–268 гг.⁷⁰. Из могилы 24 происходит серебряная фибула с надетым кольцом⁷¹ в сопровождении трех серебряных монет в шкатулке: Гордиана III (238–244), Филиппа II (247–249), Траяна Деция (249–251 гг.)⁷². Из могилы 39 происходят две железные коррозированные фибулы, но нет уверенности в их двухчленности⁷³. Из могилы 152 могильника Нейзац известна фибула с многогранным сечением спинки⁷⁴.

Приведенные материалы показывают, что бытование этих фибул относится ко времени не ранее середины III в.⁷⁵. Фибулы А.157 являются одним из хроноиндикаторов фазы II хронологии могильников Центрального и Юго-Западного Крыма римского времени (260/270–310/320), соотносимой с центральноевропейской фазой C2⁷⁶. Они характерны для переходной фазы II/III⁷⁷. Таким образом, фибулы Альмгрен 157 органично вписываются в хронологию горизонта Боромля, определяемую по фибулам А.VII и амфорам Шелов D ступенями C1b, C2⁷⁸.

Боспорские монеты на памятниках позднеримского времени в лесостепи Восточной Европы. Наибольшая концентрация боспорских монет в зоне восточноевропейской лесостепи отмечается в днепро-донецком междуречье⁷⁹, в ареале горизонта Боромля (Рис. 1, 10, 11). Они обнаружены на поверхности селищ позднеримского времени Кирово, Котельва, Сердюки, Циркуны, на территории современных Полтавской и Сумской областей Украины⁸⁰. Рассмотрим, какие находки сопутствуют монетам на этих поселениях. На поверхности селища Бараново найдены фрагменты лепной и гончарной керамики, а также фибулы с высоким приемником группы Альмгрен VII⁸¹. Поселение Огульцы, исходя из находок на поверхности и материалов раскопок, может считаться двухгоризонтным – с горизонтами Боромля и «классической» черняховской культуры⁸². На поверхности селища Хворостово обнаружены фрагменты черняховской гончарной керамики, куски глиняной обмазки от наземных сооружений, глиняные пирамидальные грузила ткацких станков, бронзовая фибула типа «Войтенки»⁸³, серебряное проволочное височное кольцо, спинка бронзовой подвязной фибулы, бронзовая калачиковидная пряжка, медный сестерций Юлии Домны (196–211 гг.)⁸⁴. На поверхности поселения Старые Валки найдены

фрагменты лепной и гончарной керамики и фибулы с высоким приемником⁸⁵. На поверхности селищ Рябухино 1–4 собрана лепная и гончарная керамика, на одном из них найдена фибула с высоким приемником⁸⁶. Сбор подъемного материала и шурфовка поселения Хрущовая Никитовка принесли находки фрагментов лепной и гончарной керамики, светлоглиняных амфор, кусков глиняной обмазки сооружений⁸⁷. Там же найдены фибулы с высоким приемником. О находках на поверхности селища Пасеки речь уже шла выше. Эти примеры свидетельствуют в пользу связи боспорских монет именно с селищами горизонта Боромля, но окончательно убедиться в этом можно будет лишь после находок монет в заполнении объектов и слое поселений.

Боспорские монеты встречаются и в ареале родственной горизонту Боромля группы – памятников типа Седелки-Каширки (Рис. 10). Из поселения Ксизово 19, где к этому времени отнесена яма 29 раскопа VII, наряду с такими хроноиндикаторами, как бронзовые фибулы группы А.VII (одна целая и два фрагмента приемников), фрагменты ручек светлоглиняных

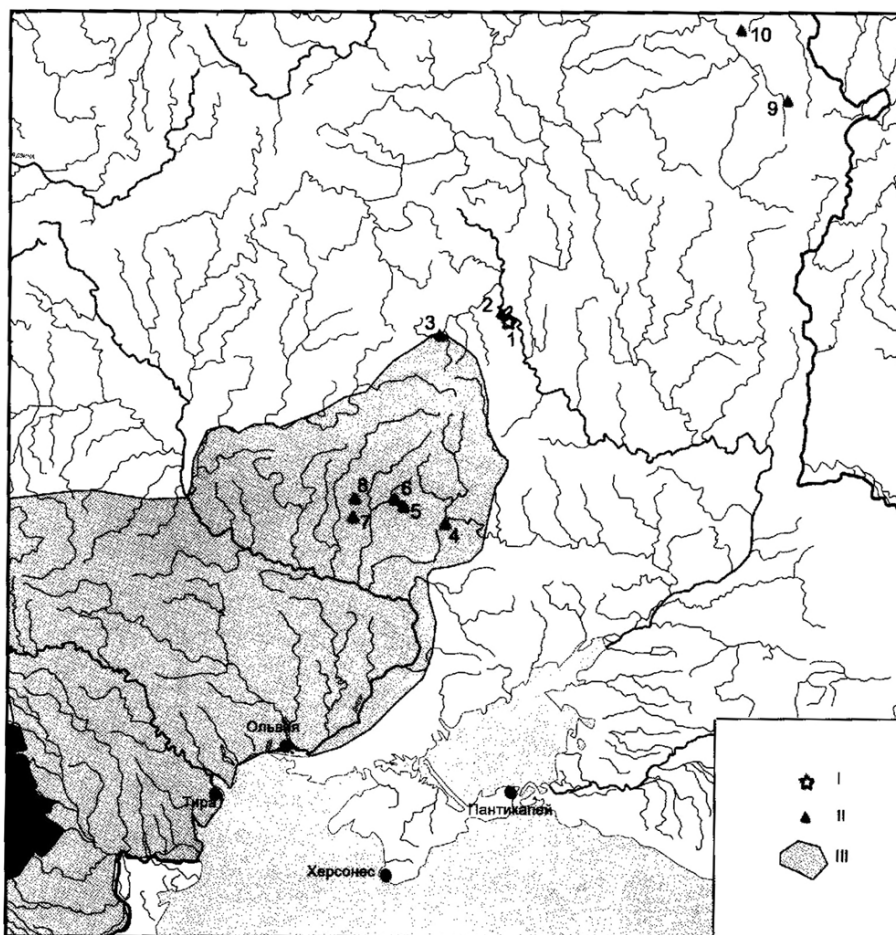

Рис. 10. Единичные находки позднебоспорских монет на территории Восточной Европы за пределами Боспора (карта) (Бейдин Г. В., Мызгин К. В. Клад позднебоспорских медных статеров из Ксизово // РСМ. М., 2016. Вып. 16: Острая Лука в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV–V вв.). Рис. 248). Условные обозначения: 1 – Ксизовский клад, 2 – единичные находки монет: 2 – Ксизово, 3 – Рыльский район Курской области РФ, 4 – Рябухино, 5 – Бараново, 6 – Хрущевая Никитовка, 7 – Кирово, 8 – Полтавская область Украины, 9 – Троицко-Пеленетское городище, 10 – городище Старая Рязань

узкогорлых амфор Шелов F, происходят две боспорские и две римские монеты^{*88}. На этом же поселении обнаружен клад боспорских монет в количестве 178 единиц^{**89}. Следовательно, о близости таких культурных групп, как горизонт Боромля и Седелки-Каширка, свидетельствуют не только черты их морфологии: топография поселений (балочная сеть), типы сооружений (присутствие построек «типа Букреевка»), ведущие формы лепной керамики (округлобокие горшки и конические миски), распространение фибул с высоким приемником, но и присутствие в ареалах обеих групп боспорских монет.

Вариант исторической интерпретации. Таким образом, мы имеем дело с комплексом «южных инноваций» на памятниках горизонта Боромля, а именно: распространение «построек типа Букреевка», фибул А.157, конических мисок и боспорских монет. Но все ли эти инновации продвигались в направлении юг – север? Постройки «типа Букреевка» известны во всех группах ступеней С1b, С2 от Верхнего Днестра до Верхнего Дона, а на юге, на Нижнем Днепре, пока известно лишь одно поселение с остатками сооружений такого типа (Рис. 11). Конечно, эта выборка является весьма незначительной, но возможно

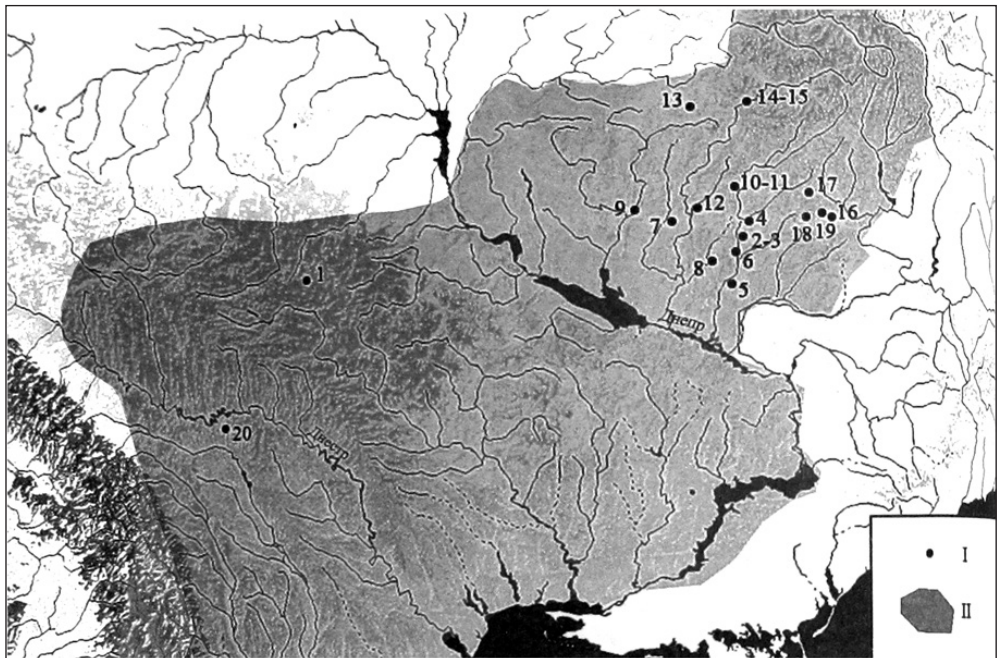

Рис. 11. Карта находок монет Фарсанза в ареале черняховской культуры (Бейдин Г. В. Готы на Боспоре: находки монет царя Фарсанза в ареале черняховской культуры // Древности 2014–2015. Харьков, 2015. Рис. 2). Условные обозначения: 1 – места находок монет Фарсанза: 1 – Житомирская область, 2, 3 – Веселовка (Диканьский район Полтавской обл.), 4 – Диканьский район Полтавской обл., 5 – Забродки (Новосанжарский район Полтавской обл.), 6 – Лаврики (Полтавский район), 7 – Миргород, 8 – Решетилковский район Полтавской обл., 9 – Старый Хутор (Лохвицкий район Полтавской обл.), 10, 11 – Ступки (Зеньковский район Полтавской обл.), 12 – без точной локализации (Полтавская обл.), 13 – Терны (Недригайловский район Сумской обл.), 14, 15 – без точной локализации (Сумская обл.), 16 – Огульцы (Валковский район Харьковской обл.), 17 – Павлово (Богодуховский район Харьковской обл.), 18 – Старые Валки (Валковский район Харьковской обл.), 19 – Хворостово (Валковский район Харьковской обл.), 20 – без точной локализации (Харьковская обл.); 2-ареал черняховской культуры.

* Соответственно медные статеры Фофорса (291/292) и Рескупорида VI (320–331), серебряный динарий Адриана (117–118) и билонный антониниан Галлиена (253–268).

** В кладе представлены позднебоспорские медные статеры: монеты Тейрана (275/276–278/279), Фофорса (285/286–309/310), Радамсада (309/310–318/319), Рискупорида VI (318/319–336/337).

предположить и влияние из лесостепи на юг как причину появления таких построек на Нижнем Днестре. В существовании конических мисок в этих культурных группах также видится как юго-западное («скарпато-балканское»), так и южное влияние. Лишь фибулы А.157 и боспорские монеты уверенно могут связываться только с южным влиянием в области лесостепи.

При попытке исторической интерпретации появления в регионе комплекса этих инноваций в рамках раннеисторической археологии следует помнить об отсутствии закона совпадения археологических реалий и исторических (письменных) известий: они могут совпадать и не совпадать⁹⁰. Следовательно, увязывание данной археологической ситуации со сведениями о событиях в регионе из сочинений древних авторов будет спекуляцией, ибо других сведений нет, а есть только информация о походах коалиции германских и иных племен на провинции Римской империи, о так называемых Готских войнах III в.⁹¹ Тем не менее, спекуляция неотделима от попыток исторической интерпретации археологических источников⁹². В этом случае появление на памятниках лесостепи середины III – начала IV в. комплекса элементов материальной культуры, характерных для зоны степи и Северного Понта, может быть объяснено лишь приходом отдельных групп населения с юга, где происходили события Готских войн, сухопутные и морские военные акции варваров в устье Дона, на Боспоре, Колхиде, Малой Азии, Балканах в 238–271 гг.⁹³

Но движение населения могло быть вызвано не только этими причинами, достаточно обратить внимание на время чеканки найденных в регионе боспорских монет: они выпущены до, во время и после Готских войн⁹⁴. Интерес также вызывает сходство топографии Бургунки⁹⁵ с двумя селищами горизонта Боромля: Родной Край 3⁹⁶ и Букреевка 2⁹⁷. Все эти памятники находятся на дюнах в поймах рек, и поселения горизонта Боромля не перекрыты селищами горизонта «классической» черняховской культуры, что характерно для «балочных» поселений. Возможно, подобная топография некоторых поселений горизонта Боромля также отражает южное влияние, но выборка для такого утверждения весьма мала и оно остается гипотетическим. Вопрос о наличии южных элементов в горизонте Боромля важен не только в плане изучения формирования самого горизонта, но он еще раз подчеркивает отличия процесса формирования горизонта «классической» черняховской культуры в ее различных регионах. В этой связи интересным видится наблюдение, что в горизонте Боромля и в родственных группах (Демьянов-Черепин и Седелки-Каширка), включающих черняховские элементы, не известны погребения ступеней С1b, С2, но они открыты на могильниках вне этой территории, на Днепровском Правобережье (Рис. 1).

¹ Шукин М. Б. Готский путь. СПб., 2005. С. 132

² Там же. С. 132–133.

³ Там же. С. 133.

⁴ Там же.

⁵ Любичев М. В. «Горизонт Боромля» как область «праславянской» культурной провинции середины III–начала IV в. (ступени С1b–С2) // *Germania-Sarmatia. Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов*. Калининград–Курск, 2010. Т. II. С. 148–178.

⁶ Любичев М. В. Киево-черняховские контакты ступеней С1b–С2 на территории днепро-донецкой лесостепи в свете выделения «горизонта Боромля» // *Germania-Sarmatia. Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов*. Калининград, 2008. С. 44–67.

⁷ Обломский А. М. Этнические процессы на водоразделе Днестра и Дона в I–V вв. н.э. Москва–Сумы, 1991; Обломский А. М. О взаимоотношении киевского и черняховского населения на водоразделе Днестра и Дона // *Проблеми походження та історичного розвитку слов'ян*. Київ–Львів, 1997. С. 63–72; Обломский А. М. О времени появления черняховского населения на территории Днепровского Левобережья // *Сто лет черняховской культуре*. К., 1999. С. 26–38.

⁸ Обломский А. М. О взаимоотношении... С. 69.

⁹ Любичев М. В. О двух методах построения культурной истории днепро-донецкой лесостепи римского времени // Проф. д-р Борис Д. Борисов – ученики и приятели. Велико Търново, 2016. С. 235–245.

¹⁰ Любичев М. В. К вопросу о времени появления памятников черняховской культуры на днепро-донецком водоразделе // *Российская археология*. 2003. № 3. С. 71–81.

¹¹ Некрасова А. Н. К вопросу о начальном этапе распространения черняховских древностей в Днепровском лесостепном Левобережье // *Охорона і дослідження пам'яток Полтавщини*. Полтава,

1990. С. 150–151; Некрасова А. Н. Хронология распространения черняховской культуры в Днепровском лесостепном Левобережье // Археологические исследования в Центральном Черноземье. Белгород, 1990. С. 59–61.

¹² Баран В. Д. Давні слов'яни. К., 1998. С. 185; Баран В. Д. Черняхівська культура – поліетнічне утворення на території Південно-Східної Європи // Археологія давніх слов'ян. К., 2004. С. 98.

¹³ Обломский А. М. О взаимоотношении... С. 64–67.

¹⁴ Терпиловский Р. В. Глеваха и Боромля (к вопросу о характере контактов между киевской и черняховской культурами на раннем этапе) // *Europa Barbarica. Monumenta studia Gothica*. Lublin, 2004a. Bd. IV. S. 473.

¹⁵ Сымонович Э. А. Черняховское поселение Бургунка на Нижнем Днепре // Краткие сообщения института археологии АН СССР. 1980. № 162. С. 107, 109.

¹⁶ Обломский А. М., Терпиловский Р. В. Поселение Седелки и его место среди памятников поздне римского времени Днепровского Левобережья и лесостепного Подонья // Археологические памятники верхнего Подонья первой половины I тыс. н. э. Воронеж, 1998. С. 132; Обломский А. М. О памятниках лесостепного Подонья поздне римского времени // Верхнедонской археологический сборник. Липецк, 2001. Вып. 2. С. 126.

¹⁷ Магомедов Б. В. Черняховская культура. Проблема этноса. Люблин, 2001. С. 42, 123–124.

¹⁸ Бакуменко К. И., Бейдин Г. В., Григорьянц М. Н., Дидык В. В. Фибулы римского времени верховьев Ворсклы и Северского Донца // Древности римского времени на Слобожанщине. Харьков, 2006. С. 23.

¹⁹ Бейдин Г. В., Мызгин К. В. Находки боспорских монет в ареале черняховской культуры // *Germania-Sarmatia*. Калининград–Курск, 2010. Т. II. С. 138–140.

²⁰ Бейдин Г. В. Готы на Боспоре: находки монет царя Фарсанза в ареале черняховской культуры // Древности 2014–2015. Харьков, 2015. С. 146.

²¹ Сымонович Э. А. Черняховское поселение Бургунка... С. 104–109.

²² Там же. С. 105.

²³ Там же. С. 108.

²⁴ Обломский А. М. Материалы поселения Журавка Ольшанская // Раннеславянский мир (далее – РСМ). М., 2010. Вып. 13: Археология Восточной Европы I тыс. н. э. Рис. 6:1, 13:1, 21:1.

²⁵ Любичев М. В. Домостроительство на памятниках горизонта Боромля // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна (далее – ВХНУ). Харків, 2008. № 816. Історія. Вип. 40. С. 38–49.

²⁶ Терпиловский Р. В. Глеваха и Боромля... С. 473.

²⁷ Сымонович Э. А. Раннесредневековое поселение Тазово под Курском // Советская археология. 1986. № 4. С. 183–193; Сымонович Э. А. Поселение Каменево-2 под Курском // *Stratum plus*. 2001–2002. № 4. С. 370–383.

²⁸ Обломский А. М. Материалы поселения Журавка Ольшанская... Рис. 6:1, 13:1, 21:1, 25:1.

²⁹ Баран В. Д., Гонкало О. В. Черняхівські поселення басейну Гнилої Липи. К., 2005. Рис. 8:5.

³⁰ Там же. Табл. 5, III:7; 6, IV:4; 11, VI:11; 12:13.

³¹ Там же. Табл. 20:4–6; 22, II:6; 24, IV:6.

³² Там же. Табл. 31:13, 14; 33:11–14; 35:1–4; 39:3; 45:5; 46:8.

³³ Баран В. Д. Поселення перших століть нашої ери біля села Черепин. К., 1961. Табл. VII:3, 6, 12, 13.

³⁴ Любичев М. В. Керамический комплекс горизонта Боромля // ВХНУ. 2007. № 762. Історія. Вип. 39. С. 286–299.

³⁵ Обломский А. М., Терпиловский Р. В. Поселение Седелки и его место... Рис. 14:18–26; 18:2.

³⁶ Обломский А. М. Материалы поздне римского времени поселения Ксизово 17 Задонского р-на Липецкой обл. // *Vita Antiqua*. 2009. № 7–8. Рис. 4:4; 7:2, 3; 13:3, 4; 14:4, 7.

³⁷ Обломский А. М., Козмирчук И. А. Поселение поздне римского и гуннского периода Ксизово – 19 // РСМ. М., 2016. Вып. 16: Острая Лука в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV–V вв.). Рис. 123:3; 124А:3; 125:8; 160:19, 20; 162:6; 168:7; 187:15.

³⁸ Вязьмитина М. И. Золота Балка. К.: Вид-во АН УРСР, 1962. Рис. 16:2, 48:9, 57:2, 65:42–47.

³⁹ Вязьмитина М. И. Золотобалковский могильник. К., 1972. Рис. 34:3, 61:6, 62:3, 5, 6, 62:4.

⁴⁰ Баран В. Д. Поселення перших століть нашої ери... Табл. II:3, 9, 12.

⁴¹ Там же. Табл. XIX.

⁴² *Diasoviciciu G.* Cetatea Dacica de la Piatra Roşie. Bucureşti, 1954. Pl. XXI:13,16, 17.

⁴³ Вакуленко Л. В. Пам'ятки підгір'я українських Карпат першої половини I тис. н. е. К., 1977. Рис. 18:7, 9, 11, 14; Табл. V:19, 20.

⁴⁴ Обломский А. М., Терпиловский Р. В. Поселение Седелки и его место... Рис. 7:5. С. 132.

⁴⁵ Обломский А. М. О памятниках лесостепного Подонья... С. 126.

⁴⁶ Вязьмитина М. И. Золота Балка. Рис. 44:8.

⁴⁷ *Almgren O.* Studien über nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte

mit Berücksichtigung der provinzialrömischen und südrussischen Formen // Mannus-Bibliothek. 1923. Bd. 32. S. 72, Taf. VII:157.

⁴⁸ Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части СССР // Свод археологических источников. 1966. Вып. Д1-30. С. 52. Табл. 9, 18.

⁴⁹ Кропотов В. В. Фибулы сарматской эпохи. К., 2010. Рис. 46.

⁵⁰ Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части ... С. 52. Табл. 9, 18; Кропотов В. В. Фибулы из могильников Дружное и Нейзац // Археологические вести. 2001. № 8. С. 182.

⁵¹ Кропотов В. В. Фибулы сарматской эпохи. С. 154.

⁵² Сапегін С. В. Фібула сарматської доби з Ковалівки // Археологічний літопис Лівобережної України (далее – АЛЛУ). 1998. Ч. 1–2. Рис. 1.

⁵³ Бакуменко К. И., Бейдин Г. В., Григорьянц М. Н., Дидык В. В. Фибулы римского времени... Рис. П:2–4.

⁵⁴ Обломский А. М. Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время. М., 2002. Рис. 49.

⁵⁵ Окатенко В. М., Голубев А. М., Голубева І. В., Філатов Д. О., Руснак В. В. Звіт про наукові археологічні експертизи і розвідки у Харківській області та м. Харкові у 2015 р. Харків, 2015 // Научный архив Института археологии Национальной академии наук Украины (далее – НА ИА НАНУ). Рис. 3.12:1.

⁵⁶ Любичев М. В., Мызгин К. В., Варачева К. Г. Отчет о работе Германно-Славянской археологической экспедиции Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина в 2010 г. Харьков, 2011 // НА ИА НАНУ. С. 12. Рис. 28:1–8.

⁵⁷ Башкатов Ю. Ю., Дегтярь А. К., Любичев М. В. Селище позднеримского времени Родной Край 3 в бассейне Северского Донца // Древности. 1996. Харьков, 1997. С. 111–121.

⁵⁸ Окатенко В. М., Голубев А. М., Голубева І. В., Філатов Д. О., Руснак В. В. Звіт про наукові археологічні експертизи... Рис. 3.11; 3.12.

⁵⁹ Любичев М. В., Мызгин К. В., Варачева К. Г., Шульцце Э. Отчет о работе Германно-Славянской археологической экспедиции Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина в 2013 г. Харьков, 2014 // НА ИА НАНУ. [номер не присвоен]. С. 79.

⁶⁰ Любичев М. В. Об этнокультурных процессах позднеримского времени в зоне днепро-донецкой лесостепи (в свете исследований археологического комплекса Войтенки) // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула, 2008. Рис. 13; 16:4; 18; 19.

⁶¹ Любичев М. В. Об этнокультурных процессах позднеримского времени в зоне днепро-донецкой лесостепи ... Рис. 14; 15; 16:2, 3; 17.

⁶² Кропотов В. В. Фибулы сарматской эпохи. С. 151.

⁶³ Бабенчиков В. П. Чорноріченський могильник // Археологічні пам'ятки УРСР. 1963. Т. XIII. С. 97–100.

⁶⁴ Там же. Табл. IX:7.

⁶⁵ Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части... С. 53.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Храпунов И. Н. Могильник Дружное (III–IV вв. нашей эры). Люблин, 2002. Рис. 80:13.

⁶⁸ Там же. Рис. 96:5.

⁶⁹ Там же. Рис. 95:1.

⁷⁰ Храпунов И. Н., Масыкин В. В. Подбойная могила второй половины 3 в. н. э. из могильника Дружное // Stratum+ Петербургский археологический вестник. СПб.–Кишинев, 1997. С. 166.

⁷¹ Храпунов И. Н. Могильник Дружное... С. 21. Рис. 108:10.

⁷² Там же. Рис. 109:1–3.

⁷³ Там же. Рис. 123:11; 124:5.

⁷⁴ Храпунов И. Н. Некоторые итоги исследований могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац. Симферополь, 2011. С. 27. Рис. 21:13.

⁷⁵ Храпунов И. Н., Масыкин В. В. Подбойная могила... С. 168; Храпунов И. Н. Могильник Дружное... С. 54; Кропотов В. В. Фибулы из могильников... С. 182.

⁷⁶ Юрочкин В. Ю., Труфанов А. А. Хронология могильников Центрального и Юго-Западного Крыма 3–4 вв. н. э. // Древняя Таврика. Симферополь, 2007. С. 371.

⁷⁷ Там же. С. 362–363. Рис. 7:7.

⁷⁸ Любичев М. В. О хронологии горизонта Боромля (датировка фибул группы VII О. Альмгрена в комплексах Центральной и Восточной Европы) // Древности. Харьков, 2010. С. 136–155.

⁷⁹ Бейдин Г. В., Григорьянц М. Н. Находки боспорских монет на памятниках черняховской культуры Харьковской области // АЛЛУ. 2002–2003. № 2–1. С. 190–193; Бейдин Г. В., Мызгин К. В. Находки боспорских монет в ареале черняховской культуры // Germania-Sarmatia. Калининград–Курск, 2010. Т. II. С. 135; Бейдин Г. В., Мызгин К. В. Клад позднебоспорских медных статеров из Ксизово // РСМ. М., 2016. Вып. 16: Острая Лука в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV–V вв.). С. 167.

⁸⁰ *Бейдин Г. В., Мызгин К. В.* Находки боспорских монет... С. 142; *Бейдин Г. В.* Готы на Боспоре: находки монет царя Фарсанза в ареале черняховской культуры // *Древности 2014–2015.* Харьков, 2015. С. 140.

⁸¹ *Григорьянц М. Н., Бейдин Г. В.* Германские индикаторы культурной принадлежности памятников римского времени ворсклинско-донецкого междуречья // *Культурна спадщина Слобожанщини. Історія та краєзнавство.* Харків, 2005. Вип. 4. С. 120–131.

⁸² *Мызгин К. В.* Итоги исследований памятника поздне римского времени возле с. Огульцы // *Ostrogothica-Serie (Heft).* Харьков, 2011. Вып. 1: Доистория Восточной Европы поздне римского времени–начала эпохи Великого переселения народов (материалы полевых семинаров у с. Войтенки 2009, 2010 гг.). С. 26–29.

⁸³ *Левада М. Е.* Об особенностях пружинного аппарата некоторых типов фибул (фибулы со «средней» тетивой) // *Боспорские исследования. Симферополь–Керчь, 2007.* Вып. XVI. С. 239–258.

⁸⁴ *Варачева К. Г.* Отчет о разведках памятников поздне римского времени на днепро-донецком водоразделе в 2007 г. (с. Хворостово, с. Старый Мерчик, Валковского района, Харьковской области). Харьков, 2008 // *НА ИА НАНУ.* 2007/141. С. 2–6; *Любичев М. В., Мызгин К. В., Варачева К. Г.* Отчет о работе Германно-Славянской археологической экспедиции Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина в 2010 г. Харьков, 2011 // *НА ИА НАНУ.* [номер не присвоен]. С. 7. Рис. 14:3.

⁸⁵ *Бакуменко К. И., Бейдин Г. В., Григорьянц М. Н., Дидык В. В.* Фибулы римского времени... Рис. VII: 3, 5.

⁸⁶ *Любичев М. В., Мызгин К. В., Варачева К. Г., Шульце Э.* Отчет о работе Германно-Славянской археологической экспедиции Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина в 2013 г. С. 77–78, Рис. 328, 329, 342, 343; *Любичев М. В., Дидык В. В.* Об одной группе фибул поздне римского времени в днепро-донецкой лесостепи // *Stratum plus.* № 4. 2001–2002. Рис. 3:2.

⁸⁷ *Голубева І. В., Окатенко В. М., Варачова К. Г., Квітковський В. І., Колода В. В., Резніченко І. О., Свистун Г. Є., Філатов Д. О.* Звіт про наукові археологічні експертизи в Харківській області та в м. Харкові в 2013 р. Харків, 2014 // *НА ІА НАНУ.* Рис. 3.3–3.6.

⁸⁸ *Обломский А. М., Козмиряк И. А.* Поселение поздне римского и гуннского периода... С. 77–78.

⁸⁹ *Бейдин Г. В., Мызгин К. В.* Клад поздне боспорских медных статеров... С. 165–166.

⁹⁰ *Eggers H. J.* Einführung in die Vorgeschichte. Berlin, 2006. S. 276–286.

⁹¹ *Вольфрам Х.* Готы. От истоков до середины VI в. (опыт исторической этнографии). СПб., 2003. С. 71–82.

⁹² *Uslar R. von.* Über den Nutzen spekulativer Betrachtung vorgeschichtlicher Funde // *Jahrbuch des Romisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz.* 1955. Nr. 2. S. 1–20.

⁹³ *Вольфрам Х.* Готы... С. 78, 80–82.

⁹⁴ *Бейдин Г. В., Мызгин К. В.* Находки боспорских монет... С. 137–138.

⁹⁵ *Сымонович Э. А.* Черняховское поселение Бургунка... С. 104–105.

⁹⁶ *Баикатов Ю. Ю., Дегтярь А. К., Любичев М. В.* Селище поздне римского времени Родной Край 3... С. 111.

⁹⁷ *Сымонович Э. А.* Букреевка 2 – селище второй четверти I тыс. н.э. возле Курска // *Материалы и исследования по истории Днепровского Левобережья.* Курск, 1990. С. 78–79.